

УДК 327

DOI: 10.24412/2686-9756-2026-2-72-87

Роман Попов

Энергетический кризис как фактор дивергенции внутри Вишеградской группы (2021–2026 гг.)

Аннотация. В статье анализируется влияние энергетического кризиса 2022–2025 гг. на внутреннюю связность Вишеградской группы (В4). Основной тезис состоит в том, что потрясения на европейском энергетическом рынке, вызванные украинским кризисом, не породили внутри формата принципиально новых противоречий, а сделали явными структурные различия, ранее закрытые общей риторикой регионального сотрудничества. На основе данных *Eurostat*, *CREA*, *CSD*, *S&P Global Commodity Insights* и национальной статистики прослеживаются четыре национальные траектории: польская (последовательная диверсификация), чешская (технократический разворот), словацкая (институционализация сохраняющейся зависимости через газопровод *TurkStream*) и венгерская (углубление зависимости). Показано, что к 2025 г. разброс между странами В4 по доле российской нефти в совокупном импорте достиг 93 процентных пунктов, а дивергенция приобрела институциональный характер. Выделяются три уровня причин расхождения — инфраструктурно-географический, внутриполитический и экономико-структурный, — причём определяющую роль играют не география, а конфигурация национальной нефтепереработки (концерн *MOL*) и фискальные модели поддержки потребителей. Парламентские выборы в Венгрии 12 апреля 2026 г., приведшие к поражению В. Орбана, рассматриваются как естественный тест на устойчивость выявленных структурных факторов. Делается вывод о фрагментации формата на двусторонние конфигурации и о смещении регионального сотрудничества в сферы сохраняющегося консенсуса.

Ключевые слова: Вишеградская группа, энергетическая безопасность, энергетический суверенитет, диверсификация, российские энергоносители, нефтепровод «Дружба», *TurkStream*, *REPowerEU*, постсоциалистическая трансформация, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия

Тридцатипятилетний юбилей Вишеградской группы располагает к разговору о её достижениях, однако последние четыре года продемонстрировали, что устойчивость регионального сотрудничества проверяется не на саммитах, а в моменты внешних вызовов. Энергетика представляет собой ту сферу, где общая инфраструктурная история постсоциалистического пространства должна была бы способствовать сохранению регионального единства. Наблюдаемая динамика, однако, говорит об обратном.

Исходный тезис настоящей статьи состоит в следующем. События, начавшиеся в феврале 2022 г., не создали внутри В4 принципиально новых противоречий. Они обнажили структурные различия, ранее закрытые общей риторикой региональной кооперации и схожестью стартовых позиций. По итогам 2025 г. — с учётом прекращения украинского газового транзита, расширения нефтепровода *TAL* в Чехии и продолжающегося углубления венгерской и словацкой зависимости от российских поставок — четыре страны находятся на радикально разных стадиях диверсификации энергетического импорта. Различаются и сами концепции энергетического суверенитета, которые они реализуют.

Анализ выстроен в четыре части: исходное состояние энергетических балансов В4 на 2021 г.; национальные траектории 2022–2024 гг.; итоги 2025 г. как периода качественного сдвига; структурные факторы дивергенции. Результаты венгерских парламентских выборов апреля 2026 г. используются как проверка предложенной объяснительной схемы.

Исходные позиции: энергетические балансы В4 накануне кризиса (2021 г.)

Накануне украинских событий все четыре страны Вишеградской группы являлись частью единой энергетической инфраструктуры, унаследованной от советской эпохи. Магистральный нефтепровод «Дружба» и газотранспортная система через территорию Украины обеспечивали поставки в Чехию, Словакию и Венгрию. Польша получала российский газ через систему «Ямал–Европа» и российскую нефть по северной ветке «Дружбы». Уже на 2021 г., однако, между четырьмя странами просматривались заметные различия в структуре зависимости и инфраструктурной готовности к диверсификации.

В Польше совокупное потребление природного газа составляло около 21 млрд куб. м, при этом импорт высокометанового газа достигал 17,54 млрд куб. м, из которых на российские поставки приходилось 54–58% (Eurostat, 2026). Импорт сырой нефти превышал 26 млн т (около 190 млн баррелей), и около 63% этого объёма поступало из России. Принципиально важно, что Польша уже располагала действующим СПГ-терминалом в Свиноуйсьце (открыт в 2016 г.) и завершала строительство трубо-

провода *Baltic Pipe*, рассчитанного на ежегодную перекачку 10 млрд куб. м норвежского газа (Forum Energii, 2025).

Чехия в 2021 г. потребила 9,4 млрд куб. м природного газа, причём практически весь импортируемый объём поступал из России. Совокупный импорт сырой нефти составил 6,8 млн т (около 49,5 млн баррелей), из которых через южную ветку «Дружбы» поступило около 48,8 % (3,3 млн т). Альтернативный канал — нефтепровод *TAL-IKL* из Триеста — обеспечил 51,2 % импорта, что отличало Чехию от соседей по В4 наличием рабочей южной альтернативы ещё до начала кризиса (Jamestown Foundation, 2022; OSW, 2022).

Словакия располагала наиболее жёсткой структурой зависимости. Согласно контракту государственной компании *SPP* с «Газпромом», подписанному в 2008 г. и рассчитанному до 2028 г., страна могла закупать до 6,5 млрд куб. м российского газа в год; фактические российские поставки покрывали порядка 85% национального потребления (OSW, 2024). Доля российской нефти в импорте составляла практически 100%. Словакия одновременно являлась крупным транзитёром российских углеводородов в Чехию, Австрию и Венгрию, что приносило ей транзитные доходы порядка 800 млн долл. в год (Enerdata, 2025).

Венгрия в 2021 г. потребила 11,06 млрд куб. м природного газа, около 80% которого поступало из России (FGSZ, 2022). В сентябре 2021 г. Будапешт и «Газпром» подписали пятнадцатилетний контракт на поставку 4,5 млрд куб. м газа в год через *TurkStream* и Сербию, закрепив долгосрочную ориентацию на российские поставки. Импорт сырой нефти из России составил порядка 4,9 млн т (около 35,7 млн баррелей), что обеспечивало 61% совокупного нефтяного импорта страны (U.S. Department of Commerce, 2026). Атомная электростанция «Пакш», вырабатывавшая до 44% национальной электроэнергии, полностью работала на российском ядерном топливе.

Сводные показатели представлены в таблице 1.

Таблица 1. Зависимость стран В4 от российских энергоносителей (2021 г.)

Страна	Доля РФ в импорте газа, %	Импорт газа из РФ, млрд куб. м	Доля РФ в импорте нефти, %	Импорт нефти из РФ, млн т (млн барр.)
Польша	~55	~9,8	63	16,5 (~120)
Чехия	~100	~9,4	48,8	3,3 (~24)
Словакия	85	~5,5	100	5,3 (~38,5)
Венгрия	80	~8,8	61	4,9 (~35,7)

Источники: расчёты автора по данным Eurostat, FGSZ, Министерства промышленности и торговли Чехии, Enerdata, OSW.

На политическом уровне страны В4 в 2010-е гг. сохраняли относительно консолидированную позицию по вопросам энергетической политики ЕС. В совместных декларациях лидеры подчёркивали приоритет энергетической безопасности, скептически оценивали ускоренные климатические цели и настаивали на технологической нейтральности, включая признание роли атомной энергетики. Эта общность создавала впечатление координированного движения. События 2022 г. показали, что впечатление было обманчивым.

Четыре национальные траектории, 2022–2024 гг.

Польша: завершение долгосрочной диверсификации

Польша оказалась наиболее последовательной в стратегии разрыва энергетических связей с Россией. Решение о прекращении импорта российского газа было фактически реализовано без участия Варшавы: 27 апреля 2022 г. «Газпром» в одностороннем порядке прекратил поставки компании PGNiG в ответ на отказ оплачивать газ в рублях. Ситуация оказалась благоприятной для польской стороны, поскольку альтернативная инфраструктура была подготовлена заранее.

Динамика газового импорта показывает быструю перестройку. В 2021 г. импорт высокометанового газа составил 17,54 млрд куб. м; в 2022 г. совокупный объём упал до 12,2 млрд куб. м из-за временного сокращения промышленного спроса при сохранении высоких цен. С запуском *Baltic Pipe* в октябре 2022 г. Норвегия вышла на ежегодную поставку 5–6 млрд куб. м газа, что обеспечило около 30–35% польского импорта в 2023–2024 гг. Импорт СПГ через терминал в Свиноуйсьце вырос с 4,4 млн т в 2022 г. до 4,73 млн т в 2023 г. К 2024 г. совокупное потребление газа восстановилось до 21,7 млрд куб. м при нулевой доле России (Forum Energii, 2025).

Перестройка нефтяного импорта проходила в близком темпе. В 2021 г. совокупный импорт сырой нефти составил около 26,1 млн т, в 2022 г. — 26,5 млн т, в 2024 г. — 27,3 млн т. Доля российской нефти за этот период радикально сократилась: с 63% в 2021 г. до 43% в 2022 г., 5% в 2023 г. и фактически до нуля в 2024 г. Замещение шло главным образом за счёт поставок из Саудовской Аравии (около 30% импорта в 2022 г.) и Норвегии (рост доли с 5% в 2021 г. до 13% в 2022 г.)

Чехия: технократический разворот

Чешская траектория отличалась последовательной деполитизацией процесса диверсификации: правительство Петра Фиалы решало задачу преимущественно как инфраструктурную. В газовом секторе результаты были достигнуты быстрее. Уже в 2022 г. импорт российского газа сокра-

тился на 40% по сравнению с 2021 г. Совокупное потребление газа снизилось с 9,4 млрд куб. м в 2021 г. до 7,8 млрд куб. м в 2022 г. и 7,1 млрд куб. м в 2023 г. Замещение российских поставок шло за счёт норвежского газа через немецкую систему, а также арендованных мощностей на СПГ-терминале Эмсхавен в Нидерландах; в 2024 г. компания *ČEZ* приобрела долгосрочные мощности на терминале Штаде в Германии.

Нефтяной сектор оказался более проблематичным. В 2021 г. Чехия импортировала 6,8 млн т сырой нефти, из них 3,3 млн т приходилось на Россию. В 2022 г. доля российской нефти выросла до 56%, в 2023 г. достигла 60% (по данным оператора *Mero* — до 65% в первой половине года) при физическом объёме 4,3 млн т (CSD, CREA, 2025). Парадокс роста зависимости в первые два года кризиса объясняется ценовым фактором: дисконт на российскую нефть *Urals* относительно *Brent* в 2023–2024 гг. достигал 20%, что делало её закупку коммерчески выгодной для главного переработчика — *Orlen Unipetrol*. В 2024 г. импорт российской нефти упал до 2,7 млн т (–30 % к 2023 г.), однако это снижение объяснялось не политикой, а тремя прерываниями работы «Дружбы» в течение года.

Словакия: инерция структурных связей

Словацкий случай представляет наиболее аналитически интересный сюжет среди четырёх стран В4. Парадокс заключается в том, что страна располагала практически всей необходимой инфраструктурой для диверсификации, но воспользовалась ею в минимальном объёме. После газового кризиса января 2009 г., когда транзит через Украину был временно остановлен, Словакия инвестировала в реверсные соединения с Чехией, Австрией и Венгрией. В ноябре 2022 г. был запущен газовый интерконнектор с Польшей пропускной способностью 5 млрд куб. м в год, открывающий доступ к терминалу в Свиноуйсьце. Тем не менее государственный трейдер *SPP* сохранил основной долгосрочный контракт с «Газпромом» (Osička, Černoch, 2024).

Динамика газового импорта показывает половинчатую адаптацию. По данным *OSW*, доля российского газа в словацком импорте снизилась с 85% в 2021 г. до 50% в 2023 г. (*OSW*, 2024). Однако после возвращения к власти правительства Роберта Фицо в октябре 2023 г. тенденция изменилась: совокупный объём газового импорта в 2024 г. составил около 4 млрд куб. м (–11 % к 2023 г.), при этом доля российского трубопроводного газа в импорте Словакии и Венгрии (рассматриваемых совместно) выросла, по оценкам *CSD* и *CREA*, до 70% против 57% в 2021 г. (CSD, CREA, 2025).

В нефтяном секторе изменения были минимальными. Компания *Slovnaft* — дочерняя структура венгерской *MOL* — обладает единственным НПЗ в стране, технологически настроенным на переработку *Urals*. Доля

российской нефти в импорте снизилась со 100% в 2021 г. до примерно 90% по данным *Eurostat* (или 75% по данным правительства Словакии) к концу 2023 г. Импорт российского ядерного топлива для АЭС «Богунце» и «Моховце» в 2024 г. более чем вдвое превысил уровень до 2022 г. (CREA, 2025).

Венгрия: углубление зависимости

Венгерская траектория представляет собой единственный в ЕС случай, когда страна не сократила, а увеличила долю России в энергетическом импорте после 2022 г. В газовом секторе формальные показатели отражают высокую стабильность. Совокупное потребление природного газа снизилось с 11,06 млрд куб. м в 2021 г. до 9,41 млрд куб. м в 2022 г. (–14,9%) за счёт мер экономии в бытовом секторе. Однако чистый импорт газа в 2022 г. не сократился, а вырос на 1,8 млрд куб. м, что позволило заполнить подземные хранилища до 86,4% к началу отопительного сезона. Контракт с «Газпромом» на 4,5 млрд куб. м в год сохранил силу; в октябре 2024 г. Будапешт договорился о расширении поставок сверх контрактного объёма (FGSZ, 2022; U.S. Department of Commerce, 2026).

Нефтяной сектор демонстрирует ещё более выраженную динамику углубления зависимости. В 2021 г. доля российской нефти в венгерском импорте составляла 61%, к 2024 г. она достигла 86 %. По заявлениям министра иностранных дел П. Сийярто, в 2024 г. поставки российской нефти по «Дружбе» составили около 5 млн т. По данным *CSD* и *CREA*, совокупный импорт российской нефти в Венгрию и Словакию в 2024 г. достиг 8,7 млн т, превысив показатель 2021 г. на 2% (*CSD*, *CREA*, 2025). Венгерская стратегия концептуализирована руководством как защита национального энергетического суверенитета (per *Concordiam*, 2025).

2025 год: завершение траекторий и качественный сдвиг

2025 г. стал переломным для центральноевропейской энергетической ситуации по трём причинам. Во-первых, 1 января 2025 г. завершил действие транзитный контракт между «Нафтогазом» и «Газпромом», что привело к полному прекращению поставок российского газа через территорию Украины. Во-вторых, в апреле 2025 г. Чехия ввела в эксплуатацию расширенный нефтепровод *TAL-Plus*, устранивший структурную необходимость в российских нефтяных поставках. В-третьих, в мае 2025 г. Европейская комиссия опубликовала обновлённый план *REPowerEU*, определивший окончательные сроки отказа ЕС от российских энергоносителей (*McGill International Review*, 2026). На этом фоне дивергенция внутри В4 достигла качественно нового уровня.

Общеввропейский контекст

Данные Eurostat за 2025 г. фиксируют значительный сдвиг в структуре энергетического импорта ЕС. Совокупный импорт энергопродуктов в стоимостном выражении сократился до 336,7 млрд евро — на 11,1% ниже показателя 2024 г. и на 51,4 % ниже уровня 2022 г. (693,4 млрд евро). В физическом выражении импорт составил 723,3 млн т (Eurostat, 2026).

Доля России в импорте газообразного природного газа ЕС снизилась до 10,4% в 2025 г. против 45% в 2021 г. Норвегия стала крупнейшим поставщиком с долей 52,1%, Алжир — вторым (17,4 %). Прекращение украинского транзита (около 15 млрд куб. м в 2024 г.) привело к сокращению трубопроводного импорта газа в ЕС в первом полугодии 2025 г. на 9% в годовом выражении. Альтернативным маршрутом стал *TurkStream*: в 2025 г. по нему в Венгрию, Словакию и Сербию поступило рекордные 16,8 млрд куб. м газа, при этом суточные потоки работали вблизи технической пропускной способности (Eurostat, 2026; Kpler, 2025).

В секторе сырой нефти доля России в импорте ЕС сократилась до 1,4% в четвёртом квартале 2025 г. против 29% в первом квартале 2021 г. Крупнейшими поставщиками стали США (15,1%), Норвегия (14,4%) и Казахстан (12,7%). Доля России в импорте СПГ остаётся существенной (около 16% в 2025 г. против 21% в 2021 г.); в октябре 2025 г. Совет ЕС одобрил поэтапный запрет на любые покупки российского газа, включая СПГ, с ограничением новых контрактов уже с 2026 г. (Eurostat, 2025; Kpler, 2025).

Польша: стабилизация достигнутой независимости

Польша в 2025 г. полностью сохранила статус страны, не импортирующей ни российский газ, ни российскую нефть. В декабре 2025 г. польский газовый рынок установил годовой рекорд по торговому обороту, превысив довоенный уровень 2021 г. (Notes From Poland, 2025). Газовая генерация впервые в истории превысила 18,8% в национальном энергобалансе за счёт роста поставок норвежского газа и СПГ; совокупное потребление приблизилось к 22 млрд куб. м. В нефтяном секторе импорт оставался на уровне около 27 млн т при нулевой доле России. Концерн *Orlen* (после поглощения *PGNiG* и *Lotos* в 2022 г.) закрепил роль национального оператора диверсификации, обеспечивая поставки из Саудовской Аравии, Норвегии и США. Польша завершила контрактные переговоры с *Westinghouse* и *KHNP* по строительству первых АЭС, формируя альтернативу российским ядерным технологиям.

Чехия: завершение перехода

Для Чехии 2025 г. стал годом завершения долгой диверсификационной траектории. 14 января 2025 г. премьер-министр П. Фиала официально объявил о вводе в эксплуатацию расширенного нефтепровода *TAL-Plus*, увеличившего пропускную способность маршрута в Чехию примерно на 4 млн т в год (до около 8 млн т) и достаточного для полного покрытия национального спроса; инвестиции оператора *Mero* составили около 1,6 млрд крон (порядка 64 млн евро). 16 апреля 2025 г. в страну поступила первая партия нефти по новому маршруту, и правительство заявило о прекращении импорта российской нефти впервые за более чем шестидесятилетнюю историю «Дружбы» (S&P Global, 2025; OSW, 2025).

Здесь необходима фактическая оговорка, существенная для корректной интерпретации годовых данных. Прекращение прокачки по «Дружбе» произошло в марте–апреле 2025 г. (отчасти из-за коммерческого спора о неплатежах между *Orlen Unipetrol* и поставщиком), однако в январе–начале апреля российская нефть в Чехию ещё поступала. Поэтому за полный 2025 г. доля России в чешском нефтяном импорте составила не ноль, а 7,7% против 42% годом ранее; в физическом выражении это около 0,53 млн т. Совокупный импорт сырой нефти достиг 6,85 млн т (+5,5 % к 2024 г.). Крупнейшим поставщиком в 2025 г. впервые стал Азербайджан — более 42% импорта; далее следовали Норвегия, Казахстан и — впервые в значимых объёмах — Саудовская Аравия (СБК, 2026; IEA, 2025). Таким образом, многолетнее лидерство России на чешском нефтяном рынке завершилось, но остаточная зависимость в пределах одного отопительно-логистического цикла сохранялась.

Сохранялась и ещё одна особенность: до 31 декабря 2025 г. Чехия продолжала импортировать со словацкой территории нефтепродукты, произведённые из российской нефти. Дерогация на этот реэкспорт формально истекла 5 июня 2025 г., после чего Словакии необходимо доказывать, что её нефтепродукты не получены из российского сырья.

Словакия: институционализация сохраняющейся зависимости

Словакия в 2025 г. оформила институциональный переход на альтернативные маршруты поставок российских углеводородов, сохранив при этом зависимость от российского поставщика. Завершение украинского транзита 1 января 2025 г. первоначально прервало поставки, однако уже в феврале начался импорт через *TurkStream* по маршруту Турция — Болгария — Сербия — Венгрия — Словакия (S&P Global, 2026). По заявлению Р. Фицо, сделанному на переговорах с президентом РФ В.В. Путиным в сентябре 2025 г., объём поставок газа по *TurkStream* «практически достиг 4 млрд куб. м в год», то есть Словакия замкнула на альтернативный россий-

ский маршрут до 70–80% своего совокупного газового импорта. Правительство официально заявило о намерении голосовать против плана *REPowerEU* и о готовности к юридическому обжалованию через Суд ЕС.

В нефтяном секторе перестройка носила более умеренный характер. В феврале 2025 г. *Slovnaft* подписал годовой контракт на импорт 2 млн т нефти по хорватскому нефтепроводу *JANAF (Adria)* как частичной альтернативы «Дружбе». Тем не менее поставки из России продолжились: по данным *CREA*, в сентябре 2025 г. Словакия оставалась вторым по объёму покупателем российских углеводородов в ЕС с импортом на 207 млн евро, из которых 145 млн (70%) приходилось на сырую нефть. Совокупный годовой объём российской нефти, поставленной по «Дружбе» в 2025 г., оценивается примерно в 3,7 млн т, что сопоставимо с уровнем 2024 г. Истечение 5 июня 2025 г. дерогации на реэкспорт нефтепродуктов в Чехию стало серьёзным ударом по экономике *Slovnaft*: чешский рынок обеспечивал около 40% совокупного месячного экспорта компании в первом квартале 2025 г. (*CREA*, 2025).

Венгрия: закрепление модели углубления зависимости

Венгрия в 2025 г. окончательно сформировала модель, диаметрально противоположную польской. По данным *CSD*, к 2025 г. доля российской сырой нефти в венгерском импорте достигла 93% против 61% в 2021 г. Концерн *MOL*, владеющий единственными НПЗ в Венгрии и Словакии, получил в 2025 г. прибыль около 1,3 млрд евро (+15 % год к году) благодаря сохранению дисконта на *Urals* относительно *Brent* (*CSD*, 2026).

В газовом секторе зависимость не только сохранилась, но и углубилась в абсолютном выражении: к контрактным 4,5 млрд куб. м в год (с 2021 г.) добавились дополнительные объёмы 2023 и 2024 гг. — в октябре 2024 г. Будапешт договорился об увеличении поставок ещё на 2 млрд куб. м для «полного покрытия годового спроса». После прекращения украинского транзита импорт сконцентрировался на маршруте *TurkStream*, вследствие чего доля России в газовом импорте достигла, по оценке *CSD*, около 90 % (*CSD*, 2026). По данным *Eurostat*, за январь–октябрь 2025 г. на Венгрию пришлось 2,4 млрд евро российского газа (+15 % год к году), что при совокупном потреблении около 8,8 млрд куб. м сделало её крупнейшим индивидуальным покупателем российского трубопроводного газа в ЕС (*CREA*, 2025; *Eurostat*, 2025).

В ноябре 2025 г. Венгрия получила дополнительную политическую поддержку: президент США Д. Трамп публично заявил, что страна может в течение года продолжать импорт российских углеводородов с освобождением от американских санкций, что создавало для Будапешта пространство манёвра в переговорах с Брюсселем (*IEEFA*, 2026).

Таблица 2. Динамика импорта российских углеводородов странами В4 (2021–2025 гг.)

Страна	Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Польша	Газ из РФ, %	~55	~25*	0	0	0
	Нефть из РФ, %	63	43	5	0	0
	Нефть из РФ, млн т	16,5	11,4	1,3	0	0
Чехия	Газ из РФ, %	~100	~60	~25	~5	0
	Нефть из РФ, %	48,8	56	60	42	7,7
	Нефть из РФ, млн т	3,3	3,8	4,3	2,7	0,53
Словакия	Газ из РФ, %	85	~75	50	~70	~75**
	Нефть из РФ, %	100	~95	~90	~85	~80
	Нефть из РФ, млн т	5,3	4,9	4,1	3,7	3,7
Венгрия	Газ из РФ, % ¹	~80	~81	~82	~83	~85
	Нефть из РФ, %	61	65	75	86	93
	Нефть из РФ, млн т	4,9	4,35	4,7	5,0	~4,9

* Польша получала российский газ только в первые четыре месяца 2022 г. до прекращения поставок «Газпромом» 27 апреля 2022 г.

** С февраля 2025 г. импорт российского газа в Словакию осуществляется через *TurkStream*, а не через украинский транзит¹. Для Венгрии приведена доля России в совокупном потреблении газа; в абсолютном выражении объёмы российских поставок в 2022–2025 гг. росли. По методологии CSD (2026), измеряющей долю России в газовом импорте (а не в потреблении), показатель вырос с 60% в 2021 г. до 90% в 2025 г.

Источники: расчёты автора по данным Eurostat, CREA, CSD, S&P Global Commodity Insights, IEEFA, Enerdata, OSW, Mero, Slovnaft, ČTK.

Данные таблицы 2 позволяют зафиксировать ключевое наблюдение: к 2025 г. разброс между четырьмя странами В4 по доле российской нефти в совокупном импорте достиг 93 процентных пунктов (0% в Польше против 93% в Венгрии). В 2021 г. этот разброс составлял 51,2 п. п. (48,8% в Чехии против 100% в Словакии). Дивергенция по газу ещё более выражена: Польша и Чехия достигли нулевой зависимости, тогда как Словакия и Венгрия институционализировали альтернативный маршрут российских поставок через *TurkStream*.

Структурные факторы дивергенции

Какие факторы объясняют столь различные траектории четырёх соседних стран, изначально находившихся в схожих структурных условиях? В предлагаемом анализе выделяются три уровня причин, действующих в комплексе.

Первый уровень — инфраструктурно-географический. Доступ к морскому побережью или развитой альтернативной трубопроводной инфраструктуре задаёт коридор возможностей в краткосрочной перспективе.

Польша обладала и СПГ-терминалом в Свиноуйсьце, и завершённым к моменту кризиса трубопроводом *Baltic Pipe* из Норвегии. Чехия имела доступ к южному маршруту через *TAL* и могла расширить его пропускную способность в относительно короткие сроки. Венгрия и Словакия как государства, не имеющие выхода к морю, зависят от трубопроводных маршрутов, перенастройка которых требует значительно больших инвестиций и переговоров с третьими сторонами — Хорватией, Турцией, Сербией. Данный фактор, однако, не является определяющим: Словакия располагала всеми необходимыми соединениями к моменту кризиса, но воспользовалась ими в минимальном объёме, а венгерский концерн *MOL*, по оценкам хорватского оператора *JANAF*, имеет достаточную пропускную способность на нефтепроводе *Adria* (14–15 млн т в год) для полной замены российских поставок (CSD, CREA, 2025).

Второй уровень — внутривнутриполитический. Политические циклы в странах В4 совпали с разными фазами кризиса, что закрепило различия в стратегиях. В Польше парламентские выборы октября 2023 г. привели к власти правительство Дональда Туска, последовательно поддерживающее евро-атлантическую линию. В Чехии правительство Петра Фиалы заняло однозначно прозападную позицию с самого начала кризиса. В Словакии возвращение Роберта Фицо в октябре 2023 г. и в Венгрии устойчивое на тот момент правление Виктора Орбана сформировали в ЕС оппозиционный блок, отстаивавший продолжение энергетических связей с Россией. Это разделение отражало не только предпочтения лидеров, но и различные модели легитимации власти — через консолидацию с европейскими институтами либо через её оспаривание. В венгерском случае энергетическая политика прямо увязывалась с моделью «нелиберальной демократии», в которой защита суверенитета, включая энергетический, выступала одним из центральных нарративов (per Concordiam, 2025).

Третий уровень — экономико-структурный. Конкретная конфигурация национальной промышленности и энергетического сектора создаёт устойчивые группы интересов, влияющие на политические решения. В Венгрии и Словакии ключевую роль играет *MOL*, владеющий единственными НПЗ в обеих странах. Технологическая настройка её мощностей в Сазхаломбатте и Братиславе под *Urals*, а также возможность зарабатывать на ценовом дисконте этой нефти формируют мощные коммерческие основания для сохранения зависимости: в 2025 г. операционная прибыль *MOL* от переработки дисконтированной российской нефти составила около 1,3 млрд евро (CSD, 2026). В Польше, напротив, *Orlen* выступает национальным чемпионом диверсификации, поскольку его коммерческие интересы совпадают с государственной стратегией энергетической независимости.

К этому уровню относится и дифференциация фискальных возможностей. По данным *Bruegel*, бюджетные интервенции в поддержку потребителей энергии в странах В4 различались в разы как по объёму, так и по адресности: Польша направила на энергетические субсидии в 2022–2023 гг. около 28 млрд евро, Чехия — порядка 10,7 млрд, Венгрия — около 9,4 млрд, Словакия — около 4,1 млрд (*Sgaravatti, Tagliapietra, Zachmann, 2023*). Венгрия выбрала универсальную модель ценовых потолков для домохозяйств, что создало существенную нагрузку на бюджет и ограничило возможности диверсификации поставок: более дорогая альтернативная нефть угрожала бы стабильности схемы.

Атомная энергетика заслуживает отдельного упоминания как сфера сохраняющегося консенсуса. Все четыре страны В4 поддерживают развитие атомной генерации, однако и здесь расходятся источники технологий и топлива. Венгрия реализует проект расширения АЭС «Пакш-II» с участием «Росатома»; Словакия зависит от российского ядерного топлива для действующих АЭС и в 2024 г. нарастила его импорт более чем вдвое к довоенному уровню; Польша заключила контракты с *Westinghouse* и *KHNP*, Чехия выбрала *KHNP* для расширения АЭС «Дукованы». Таким образом, даже в сфере декларируемого согласия наблюдается дивергенция в выборе технологических партнёров (*Kpler, 2025*).

Заключение

Энергетический кризис 2022–2025 гг. выполнил функцию структурного теста, обнаружившего пределы регионального сотрудничества в условиях внешнего давления. Данные по 2025 г. позволяют зафиксировать два обстоятельства. Первое: дивергенция достигла точки, после которой возврат к единой энергетической политике внутри В4 представляется маловероятным в обозримой перспективе — разрыв в доле российской нефти между Польшей (0%) и Венгрией (93%) не имеет прецедентов в истории формата. Второе: в 2025 г. дивергенция приобрела институциональный характер. Словакия и Венгрия институционализировали альтернативный маршрут российских поставок через *TurkStream* и публично заявили о намерении блокировать *REPowerEU*, тогда как Польша и Чехия завершили переход на альтернативные источники.

Содержание регионального сотрудничества смещается в сферы, где интересы стран по-прежнему совпадают: поддержка атомной энергетики как технологии переходного периода, скептическое отношение к ускоренной декарбонизации, защита бюджетных позиций при формировании климатической политики ЕС. По вопросам отношений с Россией, темпов отказа от российских углеводородов и фискальных приоритетов сотрудничество фрагментируется на двусторонние конфигурации. Поль-

ско-чешская связка, оформившаяся после прихода правительства Туска, и венгерско-словацкое взаимодействие, закрепившееся после возвращения Фицо, образовали два полюса внутри формата.

Венгерские выборы 2026 г. как проверка структурной гипотезы

Аналитическую ценность предложенной трёхуровневой схемы позволяет проверить событие, произошедшее уже после завершения рассматриваемого периода. 12 апреля 2026 г. на парламентских выборах в Венгрии при рекордной явке (около 80%) победу одержала оппозиционная партия «Тиса» Петера Мадьяра, получившая конституционное большинство и завершившая шестнадцатилетнее правление Виктора Орбана и ФИДЕС. Сформированное в мае 2026 г. правительство (премьер-министр П. Мадьяр, министр экономики и энергетики — бывший топ-менеджер *Shell* Иштван Капитань, министр иностранных дел Анита Орбан) задекларировало прозападный, проевропейский курс и приоритет разблокировки замороженных средств ЕС (Jamestown Foundation, 2026; Vigh, 2026).

С точки зрения внутриполитического уровня анализа смена режима должна была бы означать разворот венгерской траектории. Однако заявленная новым кабинетом энергетическая политика демонстрирует не разрыв, а прагматическую преемственность: целевой срок отказа от российской энергозависимости установлен на 2035 г. — на восемь лет позднее предельного срока *REPowerEU* (отказ от трубопроводного российского газа к концу 2027 г.); речь идёт о «диверсификации», а не о немедленном эмбарго; финансирование «Пакш-II» лишь «пересматривается». П. Мадьяр публично сформулировал ограничение афористично: «географию изменить нельзя» (Vigh, 2026).

Этот разрыв между сменой власти и инерцией энергетической политики прямо подтверждает основной тезис статьи: определяющим уровнем дивергенции является не партийно-политический, а экономико-структурный. Настройка НПЗ *MOL* под *Urals*, контрактные обязательства по *TurkStream*, ядерная зависимость от «Росатома» и универсальная модель ценовых субсидий формируют институциональную колею (*path dependence*), которую смена правительства не отменяет в краткосрочной перспективе. Показательно, что *MOL* начал десятимесячное тестирование пропускной способности нефтепровода *Adria* ещё в марте 2026 г., рассчитывая на полный переход НПЗ на нероссийское сырьё лишь к концу 2026 г. Венгерский случай, таким образом, из примера «нелиберальной аномалии» превращается в иллюстрацию того, что структурная зависимость переживает политические циклы, её породившие.

В академической перспективе важно избегать упрощённого нарратива о «расколе» В4. Дивергенция не была результатом украинских событий как таковых; они лишь сделали видимыми структурные различия, заложенные ещё на этапе постсоциалистической трансформации: разные темпы и модели приватизации энергетического сектора, неодинаковые подходы к интеграции в европейские институты, различную инфраструктурную готовность. Наблюдаемая фрагментация представляет собой закономерное проявление разных моделей встраивания стран региона в европейскую и евроатлантическую архитектуру (Четверикова А.С., 2020; Рогинко С.А., 2024).

Ближайшие контрольные точки задаются нормативными сроками *REPowerEU*: запрет на новые контракты на поставку российского газа, поэтапное прекращение действия краткосрочных контрактов в 2026 г. и полный запрет на трубопроводный российский газ с 1 января 2028 г. Для Словакии и — несмотря на смену правительства — Венгрии соблюдение этих сроков означает либо глубокую перестройку энергетического импорта, либо переход к стратегии правового и институционального противостояния с Брюсселем. Наконец, появление альтернативных региональных конфигураций (Бухарестская девятка, расширенный «Веймарский треугольник» с участием Германии, Польши и Франции) свидетельствует о том, что центральноевропейские государства всё чаще ищут площадки координации, лучше отвечающие их актуальным внешнеполитическим приоритетам. Вопрос о том, сохранит ли Вишеградская группа институциональную релевантность в новой европейской архитектуре, остаётся открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

- Bruegel* (2024). The End of Russian Gas Transit via Ukraine and Options for the EU. Brussels: Bruegel. Available at: <https://www.bruegel.org/analysis/end-russian-gas-transit-ukraine-and-options-eu> (accessed 20.04.2026).
- CREA* (2025). Monthly Analysis of Russian Fossil Fuel Exports and Sanctions (September; December 2025). Helsinki: Centre for Research on Energy and Clean Air. Available at: <https://energyandcleanair.org> (accessed 20.04.2026).
- CSD* (2026). Russian Oil and Gas Dependence in Central Europe. Sofia: Center for the Study of Democracy.
- CSD, CREA* (2025). The Last Mile: Phasing Out Russian Oil and Gas in Central Europe. May 2025. Available at: https://energyandcleanair.org/wp/wp-content/uploads/2025/05/CSD_CREA_HU_SK_05_25.pdf (accessed 20.04.2026).
- ČTK* (2026). V roce 2025 se největším dodavatelem ropy do Česka stal Ázerbájdžán. ČTK. 15.04.2026.
- Enerdata* (2025). Poland / Slovakia Energy Information. Available at: <https://www.enerdata.net/store/energy-market> (accessed 20.04.2026).

- Eurostat* (2025). EU Trade with Russia — Latest Developments. Statistics Explained. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained> (accessed 20.04.2026).
- Eurostat* (2026). EU Imports of Energy Products — Latest Developments. Statistics Explained. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_imports_of_energy_products_-_latest_developments (accessed 20.04.2026).
- FGSZ* (2022). Data of the Hungarian Natural Gas System 2022. Available at: <https://fgsz.hu/en/home/news> (accessed 20.04.2026).
- Forum Energii* (2025). Energy Transition in Poland. Edition 2025. Warsaw: Forum Energii. Available at: <https://www.forum-energii.eu/en> (accessed 20.04.2026).
- Gerő, B.* (2024). The Political Legacy of Hungary's Energy Reliance on Russia. MA Thesis. Budapest: Central European University. Available at: https://www.etd.ceu.edu/2024/gero_bence.pdf (accessed 20.04.2026).
- IEA* (2025). Czechia's Fuel Diversification Efforts Set an Example, but It Still Has Key Energy Security Challenges to Tackle. Paris: International Energy Agency. Available at: <https://www.iea.org/commentaries> (accessed 20.04.2026).
- IEEFA* (2026). EU Gas Flows Tracker. Lakewood: Institute for Energy Economics and Financial Analysis. Available at: <https://ieefa.org/eu-gas-flows-tracker> (accessed 20.04.2026).
- Jamestown Foundation* (2022). Assessing Czech and Slovak Dependence on Russian Gas. 15.06.2022. Available at: <https://jamestown.org/program/assessing-czech-and-slovak-dependence-on-russian-gas> (accessed 20.04.2026).
- Jamestown Foundation* (2026). Péter Magyar's Historic Victory Holds Implications for Russia and Ukraine. 15.04.2026. Available at: <https://jamestown.org> (accessed 10.06.2026).
- Kpler* (2025). Which Russian Commodities Does the EU Still Import, and for How Much Longer? 11.11.2025. Available at: <https://www.kpler.com/blog> (accessed 20.04.2026).
- McGill International Review* (2026). Competing Visions of Energy Sovereignty Emerge in Poland and Hungary. 17.01.2026. Available at: <https://www.mironline.ca> (accessed 20.04.2026).
- Notes From Poland* (2025). Poland Breaks Annual Gas Trading Record, Surpassing Level before Invasion of Ukraine. 09.12.2025. Available at: <https://notesfrompoland.com> (accessed 20.04.2026).
- Osička, J., Černoch, F.* (2024). Policy Persistence vis-à-vis a Crisis: The Curious Case of Slovak Energy Policy after the Russian Invasion of Ukraine. *Energy Efficiency*. Vol. 17, No. 4. P. 3–9.
- OSW* (2022). The TAL Is Expanding: The Czech Republic Is Gaining Independence from Russian Oil Supplies. 07.12.2022. Warsaw: Centre for Eastern Studies. Available at: <https://www.osw.waw.pl/en> (accessed 20.04.2026).
- OSW* (2024). Slovakia's Actions in Preparation for the Expiry of the Ukrainian–Russian Transit Agreement. 20.12.2024. Available at: <https://www.osw.waw.pl/en> (accessed 20.04.2026).
- OSW* (2025). The Czech Republic No Longer Depends on Russian Oil. 18.04.2025. Available at: <https://www.osw.waw.pl/en> (accessed 20.04.2026).
- per Concordiam* (2025). Same Question, Different Answers. February 2025. Available at: <https://perconcordiam.com> (accessed 20.04.2026).
- S&P Global* (2025). Czech Republic Ready to End Russian Crude Imports after Launching TAL Pipeline Upgrade. *S&P Global Commodity Insights*. 17.04.2025. Available at: <https://www.spglobal.com/energy> (accessed 20.04.2026).
- S&P Global* (2026). Russian Gas Flows to Europe via TurkStream Remain at Sustained High in Jan. *S&P Global Commodity Insights*. 02.02.2026. Available at: <https://www.spglobal.com/energy> (accessed 20.04.2026).

- Sgaravatti, G., Tagliapietra, S., Zachmann, G. (2023). National Fiscal Policy Responses to the Energy Crisis. Bruegel Datasets. Available at: <https://www.bruegel.org/dataset/national-energy-policy-responses-energy-crisis> (accessed 20.04.2026).
- U.S. Department of Commerce (2026). Hungary — Energy. Country Commercial Guides. 12.02.2026. Available at: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/hungary-energy> (accessed 20.04.2026).
- Vigh, P. (2026). Hungary's Green Reset: What to Expect from the Post-Orbán Era. Heinrich Böll Stiftung (EU). 19.05.2026. Available at: <https://eu.boell.org> (accessed 10.06.2026).
- Рогинко, С.А. (2024). Энергетический кризис ЕС и европейский энергетический рынок // Современная Европа. № 3. С. 92–97.
- Четверикова, А.С. (2020). Пределы экономических взаимосвязей Вишеградской группы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. № 2. С. 87–97.

THE ENERGY CRISIS AS A DIVERGENCE FACTOR WITHIN THE VISEGRAD GROUP (2021–2026)

Roman Popov

Russian State University for Humanities; Russia, Moscow;

E-mail: roman.walker1@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the impact of the energy crisis of 2022–2025 on the internal connectivity within the Visegrad Group (V4). The main thesis is that the upheavals in the European energy market caused by the Ukrainian crisis have not created fundamentally new contradictions within the format, but have highlighted the structural differences previously obscured by the common rhetoric of regional cooperation. Based on data from Eurostat, CREA, CSD, S&P Global Commodity Insights, and national statistics, four national trajectories are traced: Polish (sequential diversification), Czech (technocratic reversal), Slovak (institutionalization of continued dependence through the TurkStream gas pipeline) and Hungarian (deepening dependence). It is shown that by 2025, the spread between the V4 countries in terms of the share of Russian oil in total imports reached 93 percentage points, and the divergence became institutional. There are three levels of reasons for the discrepancy: infrastructural-geographical, domestic political, and economic-structural. The determining role is played not by geography, but by the configuration of the national oil refinery sector (particularly the MOL Group) and fiscal models of consumer support. The parliamentary elections in Hungary on April 12, 2026, which led to the defeat of Viktor Orbán, are considered to be a natural test for the stability of the identified structural factors. The conclusion is drawn that the format has fragmented into bilateral configurations and that regional cooperation has shifted to areas of continuing consensus.

Keywords: Visegrad Group, energy security, energy sovereignty, diversification, Russian energy resources, Druzhba oil pipeline, TurkStream, REPowerEU, post-socialist transformation, Poland, Czech Republic, Slovakia, Hungary.